

РАЗМЫВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Индо-тихоокеанские акватории и густозаселенные прибрежные территории вокруг них формируют определенную политико-географическую целостность, так как объединены пунктирными линиями многочисленных морских торговых маршрутов, по которым перевозится огромное количество грузов. Быстро растущая экономика, разнообразие политических систем, культур и религий, территориальные противоречия вкупе со сложной историей взаимоотношений между странами и народами делают Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) уникальным по своим масштабам и особенностям. Он растянулся на 16 часовых поясов, в которых расположены 36 стран; здесь находятся 24 из 36 существующих в мире мегаполисов и проживает более половины человечества, а площадь региона превышает половину площади поверхности земной суши. Три крупнейшие экономики мира также находятся здесь. В странах региона действуют семь самых многочисленных армий. Из семи партнеров по соглашениям о взаимной обороне с США пять также являются странами ИТР¹. При этом ситуация в регионе, несмотря на динамичное экономическое развитие и желание большей части стран сохранить статус-кво, характеризуется растущей неопределенностью, напряженностью и угрозой возникновения локальных войн, которые могут распространиться на весь мир. Причина заключается в том, что сегодня весь этот гигантский регион является полем геополитической борьбы за мировое лидерство между Китаем и США. Охватить в подробностях весь фронт этого противостояния — задача отдельного исследования, здесь же нам интересно проследить аспекты, связанные, в первую очередь, с военной, политической и экономической

¹ Браун Р. Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион и концепция сражения во многих областях.
URL: <https://sgs-mil.org/war-theory/multidomains/265-indo-aziatsko-tihookeanskiy-region-i-koncepciya-srazheniya-vo-mnogih-oblastyah-domenah.html>

составляющими данного конфликта. Среди них — история возникновения и развития американо-китайского противостояния в Азии (особенно в Юго-Восточной Азии), факторы, повлиявшие на этот процесс, и, наконец, прогнозы относительно будущего ИТР. Все эти вопросы изучались с главной целью — способствовать тому, чтобы в России смогли адекватно оценить это противостояние и его тенденции и, соответственно, выработать такую политику, которая в наибольшей степени учитывала бы существующие реалии.

В центре нашего исследования — анализ проблем АТР–ИТР через призму американо-китайского конфликта, а также через политику и интересы стран АТР, в первую очередь ЮВА. Понятно, что контроль над огромными пространствами АТР–ИТР, природными ресурсами, торговыми путями и политическими процессами в многонаселенных и быстро развивающихся государствах, имеет ключевое значение для глобального американского доминирования, которому брошен вызов со стороны Китая. Поэтому именно здесь, а не где-то в Африке или даже на Ближнем Востоке, конфликт за мировое лидерство выражен в наиболее полной форме. В этой борьбе противники используют разные элементы совокупной мощи, а «гибридная война» выступает как основная форма противоборства. Даже поверхностный анализ показывает, что США ведет именно такую войну, стремясь кардинально изменить в свою пользу торгово-экономические отношения с Китаем, не допустить его политического доминирования в том или ином государстве и в регионе в целом. Стороны конфликта ведут еще и информационную войну, и борьбу за позитивный имидж в глазах местных элит. В их противостоянии особое место занимает проблема Тайваня и непосредственное военное противостояние в Южно-Китайском море, где взаимные военные демонстрации и походы американских кораблей в любой момент могут перевести конфликт в горячую фазу.

В развивающемся противостоянии Пекин и Вашингтон не скрывают своих целей: китайцы стремятся к тому, чтобы США признали их интересы в Южно-Китайском море и влияние в Юго-Восточной Азии. Кроме того, они

требуют не вмешиваться в свою политику относительно Тайваня, отказаться от попыток сдерживания и пропаганды имиджа Китая как монстра, угрожающего независимости более мелких государств. Пекин также намерен не допустить, чтобы американцы построили новую модель безопасности в Азии, основанную на сепаратных соглашениях государств региона с США без участия Китая в этих двусторонних союзах².

Американцы с этими требованиями, естественно, не согласны и, скорее всего, не согласятся никогда, так как их выполнение означало бы конец американской гегемонии в Азии, да и в мире, и фактически сдачу огромного региона Китаю. Под флагом «политики сдерживания» КНР Вашингтон стремится к единоличному контролю над огромным регионом, хочет вытеснить оттуда Китай и подчинить своим интересам политику других крупных стран — Японии, Австралии, Индии. Цель такой стратегии — максимальная защита национальных интересов США в этом регионе, которые имеют огромное значение для стабильности американской экономики и позиционирования Америки в современном мире.

Американцы ведут дело так, чтобы максимально ослабить своего главного противника, сформировать вокруг него враждебный блок из приграничных государств, а внутри активизировать действия оппозиции. Они рассчитывают спровоцировать руководство КНР на рискованные шаги в рамках военного противостояния и в конечном счете добиться его поражения, отказа от глобальных притязаний и перехода власти в Китае к политическим силам, согласным на американское глобальное доминирование.

Предпосылки масштабного противостояния двух сильнейших государств мира складывались постепенно, по мере того как росло экономическое и военно-политическое могущество Китая. Американцы долгое время старались не замечать этого и после прекращения глобального противостояния с СССР заметно ослабили военно-политический интерес к Восточной и Юго-Восточной

² *Мамонов М.* «Возвращение» США в Азию. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu>.

Азии. В американских правящих кругах господствовало мнение, что их преобладание там очень значительно и ситуация вполне стабильная. Более того, в рамках политики партнерства (так называемой *engage policy*) правящие круги Пекина оставались в международных отношениях в целом под плотной опекой Вашингтона, да и в созданной по инициативе США в 1989 году новой международной экономической организации — Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) — руководство КНР не возражало ни против присутствия в ней Тайваня, ни против американского лидерства. Доходило до того, что, когда некоторые руководители стран АСЕАН пожаловались в Вашингтоне на усиление китайского давления и конфликты в Южно-Китайском море, им ответили, чтобы они самостоятельно, без обращения к США, решали свои проблемы с Китаем. Да и в отношении событий вокруг расположенного неподалеку от филиппинского острова Палаван рифа Мисчиф, на котором в 1995 году неожиданно высадились китайские «военные рыбаки», американцы постарались остаться в стороне и не оказали реальной помощи ни Филиппинам, ни АСЕАН в целом, которые выступили против экспансии Китая³. Даже события 2001 года, когда американский разведывательный самолет в 160 километрах от китайской военно-морской базы на Парасельских островах столкнулся в воздухе с китайским истребителем и был вынужден совершить посадку на острове Хайнань, серьезного влияния на двусторонние отношения это не оказало. По требованию китайцев правительство США сделало заявление об инциденте, причем «формулировки этого документа были намеренно двусмысленными и позволили обеим странам „сохранить лицо“, одновременно разрядив напряженную ситуацию между сильными в военном отношении государствами»⁴.

Однако по мере возрастания могущества КНР и распространения его на

³ *Королев А. С., Анасова А. М.* АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750010445-1-1>.

⁴ Инцидент на острове Хайнань. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Hainan_Island_incident.

весь регион американо-китайские отношения начали заметно меняться. Переломным стал 2010 год, когда произошли события, открывшие новую страницу в отношениях между двумя странами. Пекин официально заявил, что прерывает сотрудничество с Вашингтоном в военной сфере. Одна из крупнейших американских компаний Google сообщила, что стала жертвой кибератаки, организованной в Китае, а известному китайскому диссиденту Лю Сяобо, который в тот момент находился в тюрьме, была присуждена Нобелевская премия мира. Президент США Барак Обама провел встречу с далай-ламой, несмотря на резкие протесты Китая, и объявил, что в КНР политические реформы отстают от экономических⁵. Этим высказыванием Обама как бы подчеркнул, что свободная и процветающая экономика возможна только в условиях организованной по американским лекалам демократии, а не в рамках авторитарного коммунистического режима.

В связи с этим США объявили себя борцами за гражданские свободы в Китае, выступили в поддержку награждения в 2010 году Нобелевской премией мира осужденного диссидента Лю Сяобо, который любил повторять, что «Китаю требуется по меньшей мере 300 лет колониализма, чтобы стать таким как Гонконг»⁶. В Вашингтоне рассчитывали с помощью этого убежденного западника и противника власти Компартии, которому создали международную репутацию несправедливо осужденного правозащитника и бескорыстного борца с режимом, получить возможность активно влиять на политику китайских властей и даже на стабильность и устойчивость политической системы в КНР. Смысл американской технологии заключался в том, чтобы сформировать в Китае группу лиц, которые боролись бы за демократию и гражданские права и при этом оставались неприкосновенными для местных властей, даже если они постоянно составляли против своей страны «обвинительные акты» по разным поводам.

В Пекине разыгрывание карты с Лю Сяобо вызвало сильное раздражение.

⁵ История американо-китайских отношений. URL: <https://tass.ru/info/4159288>.

⁶ Косырев Д. Попытка изменить родину. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3359751>.

В правящих кругах усилилось недоверие к американцам, возникли обоснованные подозрения в том, что они готовят так называемую демократическую трансформацию политической системы Китая, то есть ликвидацию власти Компартии, о чем не раз говорили в Вашингтоне.

Еще одним рычагом воздействия на Китай стало военное давление. В начале 2011 года администрация Обамы объявила, что будет увеличено присутствие американского флота в прилегающих к Китаю морях. В Вашингтоне заявили, что Америка возвращается в Восточную и Юго-Восточную Азию и усиливает свою военно-морскую группировку на Тихом океане. Наиболее полное отражение этот новый подход нашел в статье Госсекретаря США Хиллари Клинтон «Политика США на Тихом океане», опубликованной в октябре 2011 года в журнале *Foreign Affairs*. Позже она изложила его в выступлении на саммите форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)⁷.

Этот текст вызвал огромный резонанс и в Азии, и во всем мире, так как из него следовало, что отношения между КНР и США приобретают новый характер и что плохо скрываемое противостояние переходит в открытую фазу. Свидетельством этого стало провозглашение американским госсекретарем наступления «тихоокеанского века Америки» и возложение на США обязанности защищать права и свободы в Азии. Впервые приняв участие в восточноазиатских саммитах (ВАС), Барак Обама в ноябре 2011 года заявил, что США теперь «гарант безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁸. Это был уже прямой вызов Китаю, который означал, что США окончательно расстаются с *engage policy*, то есть политики сотрудничества с КНР как с младшим партнером, и переходят к курсу сдерживания Китая (*hedge policy*), воспринимая его уже не столько как «трудного» партнера, сколько как врага.

⁷ *Clinton H.R.* America's Pacific Century. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>.

⁸ *Calmes J.* Obama and Asian Leaders Confront China's Premier. URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/20/world/asia/wen-jiabao-chinese-leader-shows-flexibility-after-meeting-obama.html>.

Ужесточение отношения США к КНР стало еще более заметным, когда в мае 2014 года американцы предъявили обвинения в экономическом шпионаже нескольким китайским военным, а в августе заявили, что китайские истребители на опасное расстояние приблизились к американскому самолету-разведчику над Южно-Китайским морем.

Все эти события свидетельствовали о начале американо-китайской гибридной войны, которая, как и указывается в классической теории, развивалась очень неровно, то активизируясь, то затихая под влиянием разного рода переговоров и дискуссий, которые постоянно велись между двумя сторонами с целью ее ограничить и попытаться прекратить на основе существующего статус-кво. Но добиться этого не удалось. Гибридная война тем и характеризуется, что она не прекращается, хотя иногда и принимает вялотекущий характер, что создает обманчивое впечатление позитивных перемен.

Такое негативное в целом для Азии и мира развитие событий, когда противоречия между двумя странами не разрешаются, а лишь усугубляются, можно объяснить тем, что стремление наиболее сильных государств утвердить свое лидерство в мире и в ИТР, упрочить собственную безопасность и процветание носит объективный характер, и оно никуда не исчезнет, а будет определять ход истории. Так уж устроен этот мир, что государство, которое обладает самой значительной совокупной мощностью, с преобладающим политическим влиянием, сильной армией, экономическим могуществом, с устойчивыми финансовой, научной, образовательной, информационной и культурной системами, всегда претендует на роль мирового лидера. Превращаясь в сверхдержаву, такое государство во все времена стремилось диктовать свои правила остальному миру, и таким образом закрепить свое преимущество. Поэтому ситуацию вокруг нарастающего американо-китайского конфликта не могут кардинально изменить даже самые благие намерения несменяемых председателей КНР и сменяемых американских президентов.

Важной особенностью современного мира является также борьба

сверхдержав за место «царя горы» в азиатской и мировой политике. Обладая глобальными интересами, выстраивая систему взаимосвязей на огромных территориях, в конфликт сверхдержав неизбежно втягиваются и другие страны, в той или иной степени зависимые от них, но влияющие на общий ход их противостояния.

Именно это мы можем наблюдать сейчас, когда правящие элиты большинства стран АТР–ИТР стараются в меру своих возможностей предугадать будущее и оказаться на стороне победителя. В условиях растущей политической напряженности складывается атмосфера недоверия и подозрительности, идет постоянный поиск надежных партнеров для «большой игры» на выживание и господство. В связи с этим меняются конфигурации привычных региональных связей и союзов, возникает угроза единству Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сплоченность которого подвергается самым серьезным вызовам со стороны противостоящих друг другу сверхдержав. В связи с этим возникает важный вопрос, насколько способно сообщество малых и средних стран, которые под влиянием борьбы сверхдержав вынуждены вступить в процесс трансформации своей внешней, а часто и внутренней политики, корректировать ход этой титанической борьбы. Могут ли они оставаться свободны в выборе союзников, в том, чтобы не примыкать к тому или иному сопернику? И какова вообще их роль в событиях глобального противоборства?

Понятно, что большинство таких стран не хотят выступать в роли статистов. У их правящих элит есть понимание, что если пустить события на самотек, то можно попасть в ситуацию абсолютного хаоса с крайне негативным финалом. Поэтому специфика современной трансформации в АТР–ИТР заключается в том, что все участники этого процесса стремятся на него так или иначе повлиять, тем самым формируя сложную и очень неустойчивую сеть международных связей и зависимостей, диалогов и конфликтов, которые иногда очень сложно разглядеть.

В то же время нельзя не отметить, что в ситуации на грани флага в

скрытой и явной борьбе геополитических соперников есть и позитивные моменты для малых и средних государств, которые оказываются на переднем крае этой борьбы. С одной стороны, существует угроза внешнего вмешательства, с другой — к стране и региону привлекается глобальное внимание, означающее предоставление значительных финансовых ресурсов, от которых зависит и экономический рост, и модернизация общественной жизни. Кроме того, соперничество сверхдержав вынуждает их не только вкладывать существенные средства в экономику азиатских государств, но и передавать им технологии, обучать студентов, формировать лояльные себе элиты. Поэтому было бы неправильно рассматривать нарастающую конфликтность и угрозы безопасности государствам АТР–ИТР как однозначно негативное явление, которое вынуждает их тратить значительные средства на оборону и грозит нестабильностью. Есть и обратная сторона этого явления, когда до определенных границ конфликт сверхдержав наполняет этот регион не только борьбой, но и энергией. Соперничество подразумевает еще и новые возможности, конкуренция придает местным элитам очевидный драйв, заставляет искать выходы и не бояться неизбежных перемен.

В странах ЮВА есть много политиков, которые видят плюсы от противостояния США и Китая и пытаются разыгрывать обе карты одновременно. В этом смысле показательны примеры Филиппин, которые то отвергают США, то поворачиваются спиной к Китаю и призывают американцев; Вьетнама, успешно балансирующего между Китаем и США; Малайзии, которая то отказывается, а то берет китайские деньги.

Парадокс заключается в том, что на пространствах Тихого и Индийского океанов действуют как разрушительные и опасные для мира, так и созидательные тенденции, направленные на модернизацию и интеграцию экономик азиатских стран в глобальные мировые рынки. Тот факт, что обострение американо-китайской борьбы многими в АСЕАН не воспринимается однозначно отрицательно, следует постоянно учитывать России в практической политике.

Нельзя не сказать и о том, что процесс трансформации политического пространства, который мы исследуем, в АТР–ИТР осложняется тем, что в настоящее время подорвано доверие большинства стран к международному праву как единственному средству беспристрастного рассмотрения споров и разрешения конфликтов. Так называемый ruled based order (основанный на правилах порядок), то есть такой механизм решения конфликтов, в котором ключевые положения все время меняются исходя из интересов США, справедливо рассматривается многими политиками в Азии как незаконная, служащая реализации американских планов псевдоюридическая система, которая лишь усиливает неустойчивость глобальной и региональной архитектуры безопасности.

Еще один принцип, активно внедряемый американцами в современные международные отношения, — canceled history, то есть «отмененная история», когда международные конфликты предлагается разрешать только с позиций современных норм права, которые они, собственно, и устанавливают, и игнорировать любые основания для использования исторических данных в поиске справедливого решения. Но такой подход ведет в тупик. Об этом свидетельствует, например, решение Третейского суда в Гааге в отношении островов Южно-Китайского моря, когда все предоставленные Китаем исторические сведения о том, что китайские династии и в древности, и в Средние века контролировали эти острова, были проигнорированы судом. Естественно, Китай высказал категорическое отрицание в отношении легитимности этого решения. Проигнорированы были и представленные Вьетнамом весомые доказательства, что эти острова использовались вьетнамскими властями.

В результате решение суда оказалось настолько спорным, что даже филиппинские власти, несмотря на, казалось бы, позитивный для них результат, воздержались от попыток исполнить это решение. По всей видимости, Родриго Дутерте, в то время президент Филиппин, прекрасно понимал, что цель американцев, которые всячески давили на суд в Гааге, —

поссорить его страну с Китаем, актуализировать территориальный конфликт и извлечь из него свою выгоду.

Есть и еще один принцип, который также все более активно внедряется в международную жизнь, — «мир через силу», когда вместо достижения компромисса разрешением конфликта объявляется военная победа одной из сторон — той, которая, естественно, действует в интересах США. Сейчас этот принцип обкатывается на примере Украины, но вскоре он вполне может быть использован и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выдвижение его на первый план вполне объяснимо в условиях, когда иных факторов национальной мощи — экономического, информационного, «мягкой силы» — уже недостаточно для сохранения американского доминирования в АТР. На первый план выходит военный фактор как «последний довод королей».

Для полноты картины следует напомнить, что новые «принципы» мировой политики, которые мы рассмотрели выше, теснейшим образом связаны с феноменом постправды, который сегодня играет ключевую роль в информационных потоках. Основная черта политики постправды — повторение искаженной информации, несмотря на то, что она была опровергнута или была заведомо ложной. Постправда — это «обстоятельства, при которых объективные факты менее значимы в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»⁹. Архитекторами постправды по большей части выступают западные СМИ, которые создают для азиатских социумов другую реальность, постоянно манипулируя общественными настроениями в интересах США и коллективного Запада.

Еще одной чертой современной глобальной политики является то, что ядерное сдерживание, которое так хорошо проявило себя и в период Карибского кризиса 1962 года, и позже — в 1970–1980-е годы, ныне почти не

⁹ Карась Л. Феномен постправды: почему мы верим в то, во что хотим верить. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19283-fenomen-postpravdy-pochemu-my-verim-v-to-vo-chto-khotim-verit>.

работает. К власти на Западе пришло не знавшее ужасов войны, можно сказать, непуганое поколение политиков, которые почему-то исключают из своих расчетов вероятность ядерной войны и самым активным образом ведут фактически необъявленную войну против России, рискуя перейти все красные линии. Сами они готовы использовать ядерное оружие: так, теперь уже бывший премьер-министр Великобритании Лиз Трасс в одном из своих выступлений заявила, что она готова нажать кнопку запуска ядерного оружия: «Думаю, что это важная обязанность премьер-министра. Я готова сделать это», — сказала она¹⁰. Особенность ситуации с ядерным сдерживанием еще и в том, что пропагандисты и политики западных государств довольно искусно, с применением информационного воздействия и «мягкой силы», пытаются выстроить ситуацию таким образом, чтобы руководство России или Китая даже помыслить не могло о применении ядерных сил. Это хитроумная политологическая технология — убедить своего противника, что даже в целях собственного спасения тот не должен прибегать к ядерному оружию. Пока есть ощущение, что на Западе многие политики, журналисты и даже ученые всерьез верят, что у них это получится, и предпочитают не замечать российских предупреждений относительно перехода Западом всех «красных линий» в конфликте на Украине, а в Азии — в опасности обострения ситуации вокруг Тайваня и Южно-Китайского моря.

Понятно, что цель внедрения всех этих «новаций» в международные отношения заключается, во-первых в том, чтобы разрушить мировой порядок, основанный на международном праве, и построить на его месте иной порядок, защищающий западные, прежде всего американские интересы. Во-вторых, навязать американские представления правящим элитам и политическим активистам большинства стран, сделать их универсальными и внушить, что американские подходы — единственно верные, и только на их основе может

¹⁰ *Миронова А.* Кто из западных политиков заявил о готовности применить ядерное оружие против России. URL: <https://fedpress.ru/news/77/policy/3101268>.

функционировать международная политика.

Опираясь на свои «правила», которые формируют совершенно новую политическую реальность, американцы и их союзники пытаются перетянуть на свою сторону азиатские государства, которые отказались примкнуть к западным санкциям после начала СВО. Механизм «постправды» США стремятся использовать и в Индии, и во Вьетнаме, и в Индонезии, и в целом на пространствах АТР–ИТР, всячески искажая политику и действия России. И не только России, но и Северной Кореи, Мьянмы, а на Ближнем Востоке — Сирии, то есть всех тех стран, которые выступают против американского диктата и которых в Вашингтоне считают врагами.

Проблема состоит в том, что применение США и коллективным Западом всех этих новаций исключает диалог и, наоборот, усиливают тенденцию к конфликтам и войнам. На их основе сегодня формируется глобальный политический ландшафт — неопределенный, конфликтный, несправедливый и крайне опасный для большинства государств.